

Моральность и социальность в контексте Октябрьской революции

Под нравственной революцией принято понимать резкое качественное изменение ценностей и норм общества, то есть, в сущности, некий срез социальной революции. Русская революция, конечно, была наполнена таким содержанием: она была опытом исключительно радикального слома старого общества, начиная с изменения форм собственности, производственных отношений, и кончая революцией в области сексуальных отношений. Но речь идет не только о содержательном качественном изменении основных моральных императивов и ценностей, но и об особой востребованности самого нравственного поступка, о резком запросе на начальность индивида в условиях разрушения фиксированных социальных заданностей и регулятивов. Революционный дух, пафос революции заключается именно в вовлеченности в сотворение действительности. Именно он приковывает философско-этический взгляд, опирающийся на понимание моральности как субъектности в ее противопоставленности социальности человека: в ситуации революционной ломки, социального хаоса, когда одного строя уже нет, другого еще нет, человек как поступающий бытийствует в качестве абсолютного начала поступка, не детерминированного ни социально, ни психологически.

Говоря об особой востребованности морали в условиях разрушения большинства социальных регулятивов, мы остаемся в пространстве социологии. Мы лишь фиксируем тот факт, что сама общественная ситуация запрашивала индивидуально-ответственный способ действия, ставила индивидов в положение, требующее действовать на свой страх и риск, ставить себя на кон. Философско-этический же взгляд на революцию возможен как взгляд изнутри поступка, как взгляд самого поступающего и именно в качестве субъекта поступка. Этика, рассуждающая о революции,

хотя и в моральных понятиях, но объективистски, и остающаяся при этом на позиции стороннего оценивающего наблюдателя, оказывается более ущербной, чем социально-политическая мысль, прежде нее осознающая подобную ущербность, укорененную в самой своей природе, и противопоставляющая ей фундаментальность философско-этического взгляда: Арендт именно в связи с осмыслением революций пишет об этом так: «С политической стороны ошибка этой новой и типически новоевропейской философии относительно проста. Она заключается в описании и осмыслении всей области человеческого действия не в терминах действующего лица и деятеля, а с точки зрения зрителя, наблюдающего спектакль»¹.

Противопоставленность моральности социальности актуализируется в двух противоположных состояниях общества: в ситуации жестко оформленной однозначной социальности и в ситуации социальной революции, разрушающей устоявшиеся формы социальной жизни и регуляции. Но есть ли принципиальное различие между моральным противостоянием социальности в ситуации социального разлома и в ситуации жестко заданной социальности? С точки зрения социологии, через взгляд наблюдателя, которому дан смысл и отдельные следствия поступков, они существенно различны. Но с философско-этической точки зрения индивидуально-ответственный поступок в разных социально-исторических условиях одинаково выступает как автономия воли, осуществляет своеобразный акт моральной революции, восстания, отвержения и разрушения социальности (то, что, по словам Арендт, для социально-политической мысли есть *чудо*).

Революция делает ставку на начинание, на творение нового, не существующего мира, что в социальной мысли выражено понятием свободы. Это ставит морального субъекта в особую ситуацию. Если вообще человек

---

¹ Арендт Х. О революции // Перевод В.В. Бибихина фрагмента из книги: Hannah Arendt. On Revolution. New York: The Viking Press, 1963, p. 21–52 (Chap. I, «The Meaning of Revolution»). Впервые был опубликован в журнале «Точки» 1–2 /7/ (М.: ИФТИ св. Фомы, 2007). http://www.bibikhin.ru/o_revolutsii

попадает в пространство морали, поскольку он ответственен за факт поступка, и это не зависит от содержания поступка, ибо он ответственен за его бытие даже в том случае, когда поступок в содержательном смысле максимально строго детерминирован, то в ситуации революции в зону его нравственной ответственности попадает не только факт поступка, но в значительной степени и его содержание. Здесь ответственность за факт поступка в максимальной степени соединяется с ответственностью за его содержание (смысл) и тем самым в максимальной степени стирается различие между ответственностью нравственной и специальной, внутренней и внешней, между добродетельностью действия и его добротностью, в результате чего само поступание оказывается делом в высшей степени рискованным и трагическим. Революция, рассмотренная сквозь призму философско-этического анализа, позволяет увидеть в обнаженном виде то, что обычно скрыто за внешней упорядоченностью отношений и распределенностью меры ответственности в обществе, а именно, увидеть неразрывное единство субъекта действия и того, что он делает, когда субъект не выбирает из разных возможных вариантов, сам оставаясь относительно свободным от того, что он выбирает, когда поступая (выбирая поступок), он осуществляется, выбирает себя, весь оказывается в том, что он выбирает. Поэтому, между прочим, идентификация революционера с революцией и врага революции с ее радикальным отрицанием являются столь полными человеческими идентификациями. Если ситуацию Холокоста можно считать опытом, в первую очередь, поступка как негативности действия, то Октябрьская революция дает пример поступка как позитивного действия.